

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Жэнь Ц. Экзистенциалистские идеи в произведении «Жизнь Василия Фивийского» // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 16-23. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76153 EDN: LGJZPS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76153

Экзистенциалистские идеи в произведении «Жизнь Василия Фивийского»

Жэнь Цзичжао

аспирант, филологический факультет, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117534, Россия, г. Москва, Чертаново Южное р-н, ул. Кировоградская, д. 42 к. 1

✉ 1435284454@qq.com

[Статья из рубрики "Автор и поэзия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76153

EDN:

LGJZPS

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2025

Дата публикации:

08-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является анализ экзистенциалистских идей в повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивийского». Объектом исследования выступает трагическая судьба главного героя – священника Василия, жизнь которого наполнена чередой несчастий, приведших к кризису веры и отчуждению от Русской Православной Церкви. Автор рассматривает такие аспекты, как конфликт между религиозной верой и абсурдом существования, утрата свободы и субъективности под давлением социальных и исторических обстоятельств, а также символическое значение образа Василия для понимания духовного кризиса конца XIX – начала XX века. Особое внимание уделяется интерпретации идей Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и С. Кьеркегора, что позволяет выявить философскую глубину текста и показать, как личная драма героя отражает общенациональные противоречия эпохи. Методология исследования основана

на сравнительно-историческом и философско-литературном анализе, включающем выявление экзистенциалистских мотивов в тексте, их интерпретацию через концепции Сартра, Хайдеггера и Кьеркегора, а также контекстуальное рассмотрение социально-исторической реальности России конца XIX – начала XX века. Основными выводами проведенного исследования являются выявление экзистенциалистских идей в повести «Жизнь Василия Фивийского» и их конкретное проявление в судьбе героя – от веры и надежды до отчаяния и отрицания Бога. Новизна исследования заключается в комплексном подходе: произведение рассматривается одновременно как художественный текст и как философская притча, раскрывающая проблему кризиса веры в условиях социальных потрясений. Особым вкладом автора является показ взаимосвязи личной трагедии священника с коллективным опытом народа, что позволяет интерпретировать произведение как символ кризиса эпохи. Сделан вывод, что крушение веры Василия отражает экзистенциалистскую идею «существование предшествует сущности» и демонстрирует, как религиозные догмы и социальное угнетение ведут к утрате свободы и субъективности, оставляя человека перед лицом абсурда и неизбежности судьбы.

Ключевые слова:

Экзистенциализм, Трагедия судьбы, Кризис веры, Духовный поиск, Абсурд существования, Русская православная церковь, Социально-исторический контекст, Утрата субъективности, Философская притча, Леонид Андреев

«Жизнь Василия Фивийского» представляет собой не только повесть-трагедию, повествующий о судьбе одного человека, но и философскую притчу о духовном поиске и крахе веры. Главный герой, Василий Фивийский, происходя из рода духовенства и с юных лет испытывая на себе всю тяжесть болезней и лишений, следует по стопам отца, однако никогда не находит обещанного Богом спасения. Напротив, сталкиваясь с чередой бедствий – утоплением любимого сына, врожденной недостаточностью перерожденного ребенка, трагической утратой жены, а затем и уничтожением семейного очага вследствие пожара – его душа между верой и отчаянием всё больше расходится, а религия, способная утешать, обращается в оковы для его души.

В позднем XIX – начале XX века в России, когда царское правление находилось на грани краха, а социальные противоречия достигали небывалых высот, государственная Русская Православная Церковь служила важнейшей духовной опорой реакционного режима, и её лицемерие и суеверность всё больше обременяли жизнь народа. Андреев посредством трагедии священника Василия раскрывает глубокую сущность кризиса веры того времени и, с позиций экзистенциализма, поднимает вопрос: возможно ли, в мире, лишённом абсолютного спасения и полном абсурда и страданий, обрести возможность самоискупления?

В настоящей статье осуществляется систематический анализ трудного и искреннего духовного поиска Василия, опираясь на концепцию Сартра «существование предшествует сущности», размышления Хайдеггера о смерти и подлинном бытии, а также тезис Кьеркегора о том, что вера — это страсть. Параллельно проводится критика Русской Православной Церкви и анализа российской социальной действительности, что позволяет глубже осветить экзистенциалистские идеи и исторические уроки, отражённые в произведении.

В повести «Жизнь Василия Фивийского» описывается процесс духовного поиска главного героя. Будучи представителем рода духовенства, его отец сам был священником, и Василий, повзрослев, естественно унаследовал семейное дело. Однако такое происхождение не принесло ему спасения, а наоборот, стало отправной точкой его трагической судьбы. С ранних лет, испытывая на себе груз болезней и страданий, Василий – несмотря на свою набожную веру в Бога – не ощущал милости в реальной жизни. То, что он унаследовал, – это не только религиозные традиции предков, но и судьбоносный жизненный путь, по которому судьба безжалостно издевалась над ним.

В повести священник Василий подвергается череде несчастий, обладающих сильной символической значимостью. Его любимый сын утонул, судьба, казалось бы, насмеялась над ним, а вновь рожденный сын стал нечто вроде полуживотного, лишённого разума. Одновременно жена, измученная затяжной скорбью, сошла с ума, а семейный дом был уничтожен мощным пожаром. Столкнувшись с очередной волной катастроф, Василий проходит через серию духовных поисков – от первоначальной искренней веры до углубляющихся сомнений, а потом до яростного негодования и проклятий. Именно в этих многочисленных испытаниях его вера в Бога постепенно рушится, приводя его к состоянию абсолютного духовного отчаяния.

Экзистенциализм подчёркивает важность свободного выбора и возможности самоопределения смысла жизни. Но жизнь Василия оказывается полностью управляемой внешней судьбой и социальной средой. От юных лет, когда он был изнуряем болезнями и страданиями, до зрелости, когда его семья окончательно распалась, Василий вынужден подчиняться жестокой реальности, словно судьба заранее предопределила его путь и лишила его возможности изменить свою жизнь посредством собственного выбора. Такая абсолютность судьбы является ярким отражением противоречия между ничтожностью, абсурдом и свободной волей, которое и является ядром экзистенциалистской мысли: индивид, сталкиваясь с непреодолимыми внешними силами, даже при отчаянной борьбе постепенно утрачивает свою свободу и субъективность.

Как священник, проповедник, приёмщик исповеди и духовный наставник, Василий полнейшим образом посвятил свою душу Богу, не колеблясь приняв родовое дело. Все его поступки, речи и внутреннее состояние отражали безусловную и всеобъемлющую веру в Бога. Для него священство было не просто профессией, а настоящим смыслом жизни – именно ради божественного начала он ставил всё своё существование в центр веры. Однако за этой, на первый взгляд, крепкой верой скрывалось глубокое чувство безысходности перед лицом суровой реальности и неумолимой судьбы.

С началом череды несчастий – утоплением любимого сына, врожденными недостатками вновь рожденного ребенка, а затем трагедиями, постигшими жену и семейный очаг – первоначальная система верований Василия начинает рушиться и становится всё более шаткой. Его когда-то искренняя преданность Богу постепенно переходит в сомнения относительно молчания и равнодушия Бога, порождая чувство негодования. Перед лицом жестокой и беспощадной реальности религиозная вера оказывается иллюзорной и хрупкой. Его путь духовного поиска демонстрирует постепенное отдаление от прежней набожности – сначала через сомнения в таинственной силе, а затем через полное разрушение веры и самоотречение. Это соответствует воззрению Сартра о том, что человек должен самостоятельно придавать своей жизни смысл, а не возлагать всю надежду на внешние мистические силы, что в конечном счёте ведёт к упадку и отчаянию.

В повести сцена похорон Семёна достигает кульминационного момента как с точки

зрения сюжета, так и философской глубины. Столкнувшись с трупом, уже начавшим гнить, священник Василий, пребывая в состоянии крайнего смещения духовных переживаний и вероисповедания, восклицает: «— Тебе говорю, встань!» [1, с. 135] Это одновременно является вызовом неодолимой власти смерти и отчаявшимся протестом против безжалостного молчания Бога. Его безумное поведение и почти экстатическое выражение лица ярко демонстрируют мучительную борьбу индивида в абсурдном мире, когда, согласно теории абсурда Камю, человек может доказать своё существование лишь посредством крайних мер, если обычные способы оказываются бессильными.

В конце XIX – начале XX века российское общество переживало обострение социальных конфликтов, а царское правление находилось на грани краха. В этих условиях Русская Православная Церковь была провозглашена государственной религией и стала ключевой духовной поддержкой для царского режима. Уже после неудачи восстания декабристов православие было интегрировано в официальный идеологический строй, в результате чего национальное самосознание заняло лидирующую позицию в жизни народа, став одним из «трёх основных принципов». Именно в таком историческом контексте кризис веры, с которым столкнулся священник Василий, стал не только личной трагедией, но и отражением патологического состояния целой эпохи и системы. Когда жестокое угнетение царского капитализма переплеталось с воздействием атеистических идей, искренним и мыслящим верующим неизбежно приходилось сталкиваться с глубоким кризисом веры.

Василий Фивийский вовсе не был обычным верующим. Как авторитетный проповедник, наставник и представитель духовенства, он полностью отдавал себя Богу. Однако, столкнувшись с семейными трагедиями и цепью бедствий, он оказался вынужден открыто выступить против устоев и традиций, подвергнув сомнению правоту и обманчивость Русской Православной Церкви. Этот переломный момент символизирует утрату прежней силы, которая удерживала людей в вере, и знаменует начало утраты авторитета Церкви как инструмента царского режима. Через опыт духовного смятения и краха Василия Андреев не только разоблачает пагубное воздействие Православной Церкви на многочисленных верующих, но и резкой критикой показывает механизмы социального контроля, стоящие за данной религиозной системой.

Повесть сосредотачивается не только на личной трагедии священника, но и рисует целую панораму коллективных образов, пронизанных горем и печалью. Так, одна пожилая женщина, потерявшая всех своих детей и оставшаяся без поддержки, вынуждена жить на подаянии и постоянно приходить в церковь, чтобы исповедать свои «прости», зачастую – за пустяковые мелочи. Под покровом мрака Великого поста невидимые нити, кажется, тянут несчетное количество крестьян к одному месту, где с утра до глубокой ночи исповедующиеся излагали священнику все свои страдания и обиды.

Например, персонаж Семён изображён как человек, полный сострадания, но поражённый тяжёлой судьбой. Он продал лошадей, овец и даже повозку, был вынужден занять муку у старосты, чтобы искупить свой незначительный «грех» – то, что съел подаренный мясной пирог или выкурил сигарету перед причастием, что приносило ему мучительные терзания, и лишь исповедь давала ему кратковременное облегчение. В резком контрасте с ним Трифон предстает как фигура с поразительно фальшивой исповедью, утверждая, что на фабрике ему сломали ногу, оставив лишь обрывки тела; с одной стороны, он не способен претендовать на свои законные права, а с другой – «прощение», полученное им от священника, не избавляет его от страха перед адской

судьбой. Именно в такой обстановке постоянных страданий и духовного отчуждения повесть достоверно демонстрирует, как под двойным гнётом православных догм и царского капитализма люди утрачивают свою субъективность и погружаются в бездну отчаяния.

В повести судьба и духовный поиск священника Василия выходят за рамки его личных переживаний и наделяются особой символической значимостью для жителей деревни. От того, как староста в церкви сурово упрекает его за то, что, по его мнению, он стал причиной гибели Семёна, до того, как крестьяне, столкнувшись с чередой бедствий, начинают воспринимать священника как зловещую фигуру – все это выражает глубокую иронию и одновременно жалость. Люди испытывают сочувствие к страдающим исповедующимся, но при этом отвращены неспособностью духовенства оказать им поддержку; их надежды и разочарования становятся ярким отпечатком преступлений царского капитализма, оставляющих неизгладимый след в судьбах каждого. Таким образом, Василий становится не только жертвой религиозного отчуждения, но и превращается в зловещий символ, воспринимаемый коллективной памятью как предвестник бедствия.

В данном произведении несчастье Василия Фивийского проявляется не только через внешние удары судьбы, но и через глубокое изменение его отношения к Богу. От первоначальной неподдельной веры до последовательных сомнений, негодования и даже проклятий – его тяжёлый путь духовного поиска наполнен болью и внутренними противоречиями. На алтаре, перед собравшимися, он открыто отрёкся от Бога и Русской Православной Церкви; это стало крайней формой самоанализа, когда он заявил: «Василий был так видимо обособлен, так непостижимо чужд всему, как если бы он не был человеком, а только движущейся оболочкой его» [\[1, с. 170\]](#). Эти слова стали жарким обвинением в адрес длительной религиозной отчужденности и трагичности его существования.

В русской литературной традиции описания благочестия, послушания Богу и смирения перед судьбой часто воспринимались как добродетели. Например, в повести Толстого «Воскресение» официальная Церковь предстает через призму лицемерия и обмана, однако главный герой продолжает придерживаться православных догм и, в конце концов, обретает нравственное возрождение, воплощённое в «Евангелии от Матфея». В отличие от этого, Андреев в «Жизни Василия Фивийского», через суровый и искренний духовный поиск, кардинально отрицает религиозные оковы. Крик Василия перед трупом Семёна – «Ему не нужно рая. Тут его дети.» [\[1, с. 200\]](#) – отражает не только его полное отчаяние перед спасительной иллюзией, но и символизирует окончательное ослабление власти религии как инструмента господства. Такой радикальный разрыв с религиозными догмами был редкостью в русской литературе того времени и вызвал бурную реакцию, став толчком для последующего духовного освобождения.

«Жизнь Василия Фивийского», благодаря своему жестокому повествованию о судьбе и глубокому краху веры, ярко демонстрирует экзистенциалистский вопрос о судьбе индивида, возможности свободного выбора и о противостоянии абсурду. Духовный путь священника Василия предстает не только как трагическое преобразование от искренней веры к отчаянию, но и как отражение общенационального кризиса веры, возникшего под гнётом жестокого царского капитализма и лицемерных доктрин Русской Православной Церкви. Его переход от слепой верности к горькому отрицанию Бога олицетворяет принципы Сартра («существование предшествует сущности»), размышления Хайдеггера о подлинном бытии через осознание смерти, а также идею Кьеркегора о том, что вера –

это истинное чувство и страсть.

Повесть не только посредством судьбы одного человека раскрывает противоречие между религией и судьбой, но и глубоко критикует Русскую Православную Церковь как орудие царского гнёта, проявляющееся в страданиях верующих и бессилии духовенства. Надежды и разочарования героев становятся наглядным следом преступлений царской системы. Как заметил Ромен Роллан: «Единственная истинная героическая черта – это любовь к жизни, даже когда её жестокая реальность ясна» [7, с. 206]. Но в судьбе священника Василия мы видим трагическую картину утраты самости – человека, который, лишённый возможности искупления, бежит в отчаянии. Это служит тревожным сигналом для дальнейших размышлений о природе человека, религии и общества.

Таким образом, детальный анализ «Жизни Василия Фивийского» не только углубляет понимание экзистенциалистского поиска смысла существования, но и демонстрирует, как в условиях крайнего социального и религиозного потрясения вера может быть извращена, а индивидуум оказывается бессилён противостоять предначертанной судьбе и обрести самоискупление.

Библиография

1. Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского // Андреев Л.Н. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 3. С. 5-135.
2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. Н. Любимова. М.: АСТ, 2021. 224 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. Н.М. Любимова. М.: Республика, 2004. 120 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с датск. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проект, 2017. 208 с.
6. Толстой Л.Н. Воскресение. М.: Эксмо, 2014. 512 с.
7. Роллан Р. Жизнь Бетховена / пер. с фр. М.: Музыка, 1985. 206 с.
8. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1948–1950.
9. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1: Агония старого режима. М.: Захаров, 2005. 608 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Экзистенциалистские идеи в произведении "Жизнь Василия Фивийского"»

Статья посвящена интерпретации повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивийского» в свете экзистенциалистской философии, с привлечением концепций Сартра, Хайдеггера, Кьеркегора и Камю. Автор рассматривает духовный кризис священника Василия как отражение не только индивидуального опыта, но и кризиса веры конца XIX — начала XX века в России. Таким образом, предмет исследования сформулирован ясно: выявить экзистенциалистские мотивы в художественной структуре произведения и показать их связь с социально-историческим контекстом эпохи.

Методологически работа опирается на философско-литературный анализ, включающий герменевтический и сравнительный подходы. Автор сопоставляет текст Андреева с ключевыми идеями европейского экзистенциализма, что позволяет выявить внутренние закономерности духовного кризиса героя. Привлечение философских источников (Сартр, Хайдеггер, Кьеркегор) оправдано и аргументировано. Однако методологическую часть следовало бы структурировать более явно — указав, какие принципы экзистенциалистского анализа применяются в каждой части исследования и как осуществляется переход от философской теории к литературной интерпретации. В настоящем виде методология представлена имплицитно, через комментарий к тексту произведения, без чёткой систематизации.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Проблема религиозного кризиса, свободы воли и человеческого выбора остаётся значимой в современной гуманитарной науке. Обращение к Андрееву с позиций экзистенциализма позволяет по-новому рассмотреть русскую литературу рубежа веков, что усиливает междисциплинарную ценность статьи. Автор убедительно показывает, как судьба Василия Фивийского символизирует отчуждение человека от Бога и общества, и связывает это с философским опытом XX века. Вместе с тем можно было бы добавить актуализацию для современного читателя — например, показать, как идеи Андреева соотносятся с постсекулярной проблематикой или с кризисом идентичности в XXI веке.

Новизна работы заключается в том, что повесть Андреева рассматривается не как религиозно-моральная драма, а как экзистенциальная притча, где герой выступает в роли «абсурдного человека» (в терминологии Камю). Автор проводит последовательную линию от веры через сомнение к отрицанию Бога и анализирует этот путь как форму духовного самоисследования. Приведение текстов Сартра, Кьеркегора и Хайдеггера в контекст русского произведения усиливает философскую глубину интерпретации. Новизна также состоит в выявлении социально-исторического фона — связи религиозного кризиса героя с упадком авторитета Русской Православной Церкви и с политической ситуацией конца имперского периода. Этот аспект придаёт исследованию дополнительную социокультурную значимость.

Статья написана в академическом стиле, с чёткой логикой изложения и плавными переходами между частями. Автор демонстрирует глубокое знание философской и литературной базы. Однако структура текста могла бы быть более формализована: отсутствует явное деление на разделы (введение, анализ, выводы), что несколько затрудняет восприятие. Изложение преимущественно аналитическое, но местами чрезмерно перегружено длинными сложноподчинёнными предложениями, что снижает динамику повествования. В целом стиль выдержан, лексика точна и соответствует научному дискурсу.

Список литературы включает девять наименований, среди которых — как первоисточники (Андреев, Толстой), так и философские труды (Сартр, Камю, Хайдеггер, Кьеркегор). Присутствуют также историко-философские источники (Зеньковский, Пайпс). Подбор литературы репрезентативен и отражает междисциплинарный характер исследования.

Автор демонстрирует уверенное владение материалом, однако в тексте практически отсутствует полемика с существующими точками зрения. Было бы целесообразно включить краткий обзор литературоведческих интерпретаций «Жизни Василия Фивийского» (например, в работах Б. Эйхенбаума, Л. Гинзбург, В. Зеньковского) и показать, чем подход автора отличается от них. Это позволило бы подчеркнуть оригинальность позиции и усилить аргументацию. Отсутствие апелляции к предшествующим исследованиям несколько снижает академическую дискуссионность статьи.

Выводы логично завершают исследование: автор приходит к пониманию Василия

Фивийского как символа утраты веры и человеческой самости. Статья представляет интерес для широкого круга филологов, культурологов и философов, исследующих духовные кризисы в русской литературе, а также для студентов, изучающих философию экзистенциализма. Работа убедительно демонстрирует, что Андреев предвосхитил ключевые темы XX века — абсурд, отчуждение, границы веры.

В целом статья представляет собой глубокое и содержательное исследование, основанное на серьёзной философской и литературной базе. Она демонстрирует оригинальное прочтение классического текста через призму экзистенциалистской мысли, что несомненно обогащает современное литературоведение. Высказанные замечания носят преимущественно рекомендательный характер. Полагаем, что рецензируемую работу можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний